

Г.В. Акопов, доктор психологических наук, зав. кафедрой общей и социальной психологии
И.Р. Шейнин, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии
В.М. Савицкий, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и
межкультурной коммуникации

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются ассоциативные поля концептов «созерцание», «деяние» и «общение», выявленные методом рецептивного эксперимента. Устанавливаются общие и идиоэтнические черты этих концептов в контексте русской и английской лингвокультуры.

Ключевые слова: рецептивный эксперимент; ассоциация; концепт; языковое сознание; толкование значения.

Исследование поддержано фондом РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Созерцание в категориальной системе современной психологии: теоретические и прикладные аспекты»), проект №12-06-00595

Как известно, каждый этнический язык отражает и аккумулирует в себе менталитет его носителя – народа. С одной стороны, язык в определенной степени строится, развивается и функционирует по собственным законам, относительно независимо от психологии использующих его людей; но, с другой стороны, он в известной мере определяет психологию народа, выполняя функцию одного из основных кодов сознания. На стыке сознания и языка возникает феномен языкового сознания.

Учение о языковом сознании возникло в рамках лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта и развивалось далее в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, Г.Г. Шпета, Н.М. Каринского, А.А. Шахматова и других ученых. Разрабатывая психологическое понимание природы языка, И.А. Бодуэн де Куртенэ обратился к осмыслению сущности мыслительных операций. Он рассмотрел вопросы о соотношении сфер сознания и бессознательного в языковом мышлении, о взаимообусловленности языка и «склада народного ума», о роли языкового мышления в процессе познания мира. Этот исследователь выделил разные типы мышления: «мышление вообще», «математическое мышление», «языковое мышление», «мышление языковедное, или лингвистическое».

Языковое мышление в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ определено как «закрепление всего того, что относится к языку, сохранение и обработка всех языковых представлений в языковой сокровищнице души» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 263).

В ряду концепций современного языкознания когнитивная лингвистика прочно заняла свое место. В рамках этой отрасли язык изучается как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и преобразовании информации. Когнитивная лингвистика открывает новый этап исследования сложных отношений языка и мышления – проблемы, активно разрабатываемой в русле отечественного теоретического языкознания и научных дисциплин, возникших на стыке психологии и лингвистики. Как справедливо подчеркнула Е.С. Кубрякова, когнитивные исследования получили признание в России прежде всего потому, что они обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» (Кубрякова, 2004, с. 11).

Психолингвистическую интерпретацию упомянутого явления дал Л.С. Выготский: «Смысл слова ... оказывается ... динамическим, текучим, сложным образованием ... Слово вбирает в себя из всего контекста, в который оно влетено, интеллектуальные и аффективные содержания и начинает значить больше или меньше, чем содержится в его значении» (Выготский, 2002, с. 390).

В целях исследования этого феномена мы прибегли к методу ассоциаций. З. Фрейд и его последователи полагали, что неконтролируемые ассоциации – это

символическая или иногда даже прямая проекция внутреннего, часто неосознаваемого содержания сознания. Опора на это теоретическое положение позволяет нам использовать ассоциативный эксперимент для выявления и описания аффективных комплексов. В свете такого понимания ассоциаций все проективные методики могут быть классифицированы как виды ассоциативного эксперимента.

Еще в ассоциативной психологии были выделены типы ассоциаций по способу их образования. Одни авторы (Д. Юм и др.) считали, что ассоциации возникают разными путями, т.к. человек, их порождающий, является творческой личностью. Ассоциации могут опираться на сходство (*голубое – синее*), контраст (*черное – белое*), смежность в пространстве и во времени (случайный испуг ребенка в темной комнате – последующая боязнь темноты), причинно-следственные связи (яркая вспышка света – болевое ощущение). Другие исследователи (Д. Гартли, Дж. Милль) сводили все ассоциации к ассоциациям по смежности, поскольку отрицали активность субъекта в процессе их образования.

Помимо названных выше первичных законов образования ассоциаций, Т. Браун обнаружил «вторичные» законы, т.е. факторы, способствующие возникновению конкретной ассоциации из множества возможных в данный момент; к таким факторам он относил силу впечатлений, объединяющихся в ассоциацию, их новизну, способности и / или патологические особенности индивида и т.п. Наконец, А. Бэн выделил «творческие ассоциации», образование которых объясняется «спонтанной активностью ума», а не сочетанием полученных в опыте представлений, что противоречило исходным принципам ассоциативной психологии, тесно смыкавшейся с бихевиоризмом.

Психолингвистическое исследование ассоциаций развивалось по нескольким направлениям. Первоначально была осознана необходимость выявить некоторые ассоциативные нормы, т.е. наиболее стандартные для данного социума слова-R (слова-реакции) на заданное слово-S (слово-стимул). Первые ассоциативные нормы были получены для американского варианта английского языка и опубликованы в 1910 г. (Kent, Rosanoff, 1910). Это издание дало возможность сопоставлять R, полученные в ходе диагностики и реабилитации больных, с «эталонными» ассоциациями здоровых людей. Собственно психолингвистические исследования нормативных ассоциаций начались на материале Миннесотских ассоциативных норм (Russell; Jenkins, 1954). К настоящему времени собраны ассоциативные нормы большинства европейских языков, ряда языков народов бывшего СССР, японского языка (подробнее см.: Леонтьев, 1977; Norms of Word Association, 1970).

Ассоциативные нормы устанавливаются на основе свободного ассоциативного эксперимента. При этом,

как правило, фиксируется только первая реакция на **слово-S** (слово-стимул). В результате массового свободного ассоциативного эксперимента получается набор RR на заданные слова-SS. Набор **реакций (R)**, полученный на один S, упорядочивается по частоте: на первом месте оказывается R, которая названа первой большинством участников ассоциативного эксперимента, на последнем – те RR, которые упомянуты только одним участником эксперимента. Такой упорядоченный по частотности набор RR на S называется **ассоциативным полем S**. В центре ассоциативного поля находятся частотные RR, на периферии – единичные RR. В зарубежной психолингвистической традиции вместо термина ассоциативное поле чаще употребляется термин распределение RR.

Существовали две противоположные точки зрения на механизмы ассоциирования: одни авторы считали ассоциации только «тенью» мозговых процессов, сочетающихся по определенным физиологическим законам (Т. Гоббс, Д. Гартли, А. Бэн), другие приписывали возникновение ассоциаций исключительно законам сознания самого по себе (Дж. Милль). Некоторые ассоцианисты (Т. Браун и др.) занимали промежуточную позицию. Впоследствии физиологические механизмы ассоциирования исследовались школой И.П. Павлова, который объяснял ассоциацию по смежности во времени и пространстве образованием условных рефлексов, ассоциации по сходству – их генерализацией. И.П. Павлов использовал также понятие «подкрепление» для объяснения избирательного образования ассоциаций.

В работах последних десятилетий наметился поворот к изучению и моделированию порождения речи с опорой на ассоциативные методики. Чрезвычайно интересно появившееся в 70-е годы представление об ассоциативной паре S-R как акте предикации, т.е. свернутом высказывании, которое можно развернуть в соответствии с закономерностями ассоциативного процесса (Miller, Johnson-Laird, 1976). К сожалению, это представление не нашло сколько-нибудь широкого экспериментального подтверждения и относилось скорее к периферии проблематики ассоциативных исследований семантики слова. Сложность «предикативного» подхода к паре S-R обусловлена противоречием между более или менее осознанным семантическим планированием высказывания и произвольностью ассоциативных связей. Это противоречие отмечено А.М. Пешковским: «Психология учит нас, что процесс мышления тем именно и отличается от простой ассоциации представлений, что в нем мы соединяем наши представления, а не они соединяются в нас. Здесь имеет место сознательный выбор представлений и сознательный контроль над соответствием или несоответствием их самих и их взаимоотношений с действительностью ...» (Пешковский, 1934, с. 153). Свободный и направленный ассоциативный эксперимент в равной степени позволяют выделить многочисленные когнитивные признаки, для выявления которых и проводится исследование. Если в классическом ассоциативном эксперименте, направленном на анализ языкового сознания и определения психолингвистического значения слова, принято использовать только первую реакцию, то в применении ассоциативных экспериментов к анализу когнитивных структур могут привлекаться и последующие за первой ассоциацией, поскольку в когнитивном анализе выявляются и выводные знания, и косвенные когнитивные признаки, обнаруживаемые как раз в последующих ассоциатах. Ассоциативные эксперименты могут дать богатый материал для выявления структуры значения лексической единицы. А.А. Леонтьев отмечал, что совершенно ясна «возможность выделить на основе формальной обработки данных ассоциативного эксперимента факторы, интерпретируемые содержательно как

семантические компоненты значений слов, исследуемых в эксперименте» (Леонтьев, 1971, с. 13).

В когнитивных исследованиях эффективен также рецептивный эксперимент, под которым понимается экспериментальное исследование знания (понимания) значения языковой единицы носителями языка (Попова, Стернин, 2010). Близок к рецептивной методике экспериментальный прием, в рамках которого испытуемым предлагается закончить фразу, построенную по схеме «А – это В», например: «закон – это ...; собака – это ...; счастье – это ...».

Упомянутый прием представляет собой разновидность направленного ассоциативного эксперимента. Указанные приемы позволяют получить богатую информацию о восприятии и интерпретации исследуемого концепта когнитивным сознанием. Полученные результаты обобщаются, подобно результатам ассоциативных экспериментов, и исследователь получает набор когнитивных признаков, упорядоченных по яркости в сознании носителей языка.

В русле этих исследований представляется целесообразным использовать такую инструментальную категорию, как «концепт». Под термином *концепт* мы вслед за С.А. Аскольдовым-Алексеевым понимаем мысленное образование, которое в процессе мышления замещает неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты «растение», «справедливость», математические концепты) (Аскольдов-Алексеев, 1997, с. 267). Говоря о важности этого явления, нельзя не упомянуть позицию академика Ю.С. Степанова: «Человек проникает для культуры, более того – он пронизан культурой. И если уж представлять себе это состояние в виде какого-либо образа, то не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела – нет, это “пронизывание” более определенное и структурированное: оно осуществляется в виде ментальных образований – концептов. Концепты – как бы ступки культурной среды в сознании человека» (Степанов, 2004, с. 42).

На факультете психологии ПГСГА в настоящее время проводятся исследования, поддержанные фондом РГНФ в рамках проекта № 12-06-00595 проведения научных исследований по теме «Созерцание в категориальной системе современной психологии: теоретические и прикладные аспекты». Методом рецептивного эксперимента нами были выявлены ассоциативные поля концептов «созерцание», «деяние» и «общение». Участники эксперимента, студенты старших курсов факультета иностранных языков ПГСГА, последовательно записывали русские слова – спонтанные отклики на словесные стимулы «созерцание», «деяние» и «общение». Время выполнения задания не ограничивалось и определялось по моменту передачи рукописных материалов ассистенту. Среднее время ассоциативной активности составило 20 мин. Всё множество словесных откликов в выборке из 9 студентов составило 48 откликов для стимула «созерцание», 38 откликов для стимула «деяние» и 54 – для стимула «общение». Участникам эксперимента было также предложено сформулировать определение каждого из концептов.

Словесные отклики отражены в таблице 1.

Таблица 1 - Толкование концептов русской лингвокультуры

Созерцание	Деяние	Общение
Восприятие человеком в течение некоторого времени красивых вещей, явлений	Действия, которые имеют вес для общества	Коммуникация двух и более людей на общую тему
Наслаждение видом	Внутреннее восприятие с эмоциональным оттенком	Определенная цель, на которую было направлено действие
Способность увидеть красоту кем-либо	Чувственная степень познания	Чувственное отношение к предметам
Наслаждение чем-то приятным	Чувственное отношение к предметам	Осознание увиденного
Выполненный акт действия	Термин, обозначающий акт действия	Взаимодействие людей
Совершение, осуществление действия	Совершение определенных действий	Процесс передачи информации между двумя и более людьми
Процесс наблюдения за чем-либо, кем-либо	Поступки человека	Передача информации от человека к человеку
Взаимодействие людей	Взаимодействие, диалог	Разговор двух или более людей

Как видно из таблицы, 5 человек определили созерцание как перцепцию, из них 2 – как перцепцию с эмоциональным компонентом; 1 человек определил его как познание, 2 человека дали определения через категорию эстетики, причем один – как свойство личности, в отличие от других, которые не фиксировали это как процесс или состояние.

Отдельно следует указать на то, что в некоторых откликах содержатся паремиологические характеристики этих концептов (см. таблицу 2).

Таблица 2 - Паремиологическая репрезентация концептов в откликах

Созерцание	Деяние	Общение
Любо-дорого смотреть	Без труда не выловишь и рыбку из пруда	Поговорить по душам
	Сделал дело – гуляй смело; делу время – потехе час; лень-матюшка	Язык чешется

Аналогичный опрос был проведен нами в другой группе испытуемых, насчитывавшей 12 человек. Применялась та же методика опроса. В целях сопоставления с вышеизложенными результатами предыдущего опроса, проводившегося на русском языковом материале, испытуемым из другой группы (студентам английского отделения) был предъявлен материал на английском языке. В частности, исследуемые концепты были названы по-английски: созерцание – *contemplation*, деяние – *deed*, общение – *communication*. Отклики предлагалось дать тоже на английском языке.

Результаты второго опроса отражены в таблице 3.

Таблица 3 - Толкование концептов английской лингвокультуры

Contemplation	Deed	Communication
Watching and thinking over smth. (букв. «наблюдение и обдумывание чего-л.»)	Smth. that is done by smb. (букв. «что-л. совершённое кем-л.»)	Giving information (букв. «передача информации»)
Looking and trying to understand smth. or smb. (букв. «взгляды и попытка понять что-л.»)	Doing smth. for smb.'s sake (букв. «совершение чего-л. ради кого-л.»)	Speaking with each other (букв. «говорение друг с другом»)
Close watching and giving attention (букв. «близкое рассмотрение и уделение внимания»)	Some important act (букв. «какой-л. значимый акт»)	Exchanging views (букв. «обмен мнениями»)
Building a mental picture of smth. (букв. «построение ментальной картины»)	A heroic action (букв. «героический поступок»)	Oral or written discourse (букв. «устный или письменный дискурс»)
Imagining certain things (букв. «воображение каких-л. вещей»)	Doing a good thing (букв. «совершение добра»)	Talk, conversation (букв. «разговор, беседа»)
Deep meditation (букв. «глубокое размышление»)	Beneficial activities (букв. «благоприятная деятельность»)	Telling news to each other (букв. «рассказывание друг другу новостей»)
Looking very attentively at smth. (букв. «внимательный взгляд на что-л.»)	An extraordinary thing to do (букв. «необычный поступок»)	Connection between two regions (букв. «связь меж двумя регионами»)
Grasping the essence of things (букв. «схватывание сути вещей»)	Smth. done by an outstanding person (букв. «что-л. сделанное выдающимся человеком»)	Same as communion (букв. «то же, что единение»)
Looking at something with pleasure (букв. «смотрение на что-л. с наслаждением»)	Same as an action (букв. «то же, что и действие»)	Verbal intercourse (букв. «словесное взаимодействие»)
Deep perception (букв. «глубокое восприятие»)	An act of sacrifice (букв. «акт пожертвования»)	Means of transport (букв. «средства транспорта»)
Presenting in mind (букв. «представление в уме»)	Official agreement (букв. «официальное соглашение»)	Sending messages (букв. «передача сообщений»)
Scrutinizing smth. (букв. «детальное рассмотрение»)	Written document (букв. «письменный документ»)	Connection between people (букв. «связь меж людьми»)

Полученные ответы позволили выявить специфику восприятия и понимания испытуемыми исследуемых концептов. Специфика вызвана влиянием английской лингвокультуры, которую учащиеся усвоили на занятиях по лингвострановедению и лингвокультурологии страны изучаемого языка, по теории межкультурной коммуникации, а также на практических занятиях по английскому языку. В результате, усвоив английские слова, передающие исследуемые концепты (*contemplation*, *deed*, *communication*), они осмыслили их в соответствии с аутентичными особенностями их семантики, т.е. несколько иначе, чем их русские эквиваленты (созерцание, деяние, общение). Это отразилось на толкованиях, представленных в ответах испытуемых.

В толкованиях концепта «*contemplation*» заметна неразрывная связь внешнего наблюдения и внутреннего осмысления, что характерно и для русского концепта, но в ответах на английском языке отсутствует эстетическое понимание созерцания, отмеченное в ответах на русском языке. Кроме того, положительная эмоциональная окраска созерцания отмечена многими испытуемыми, давшими ответы на русском языке, но

из всех испытуемых, отвечавших на английском языке, лишь один указал на удовольствие, получаемое от созерцания. В английских толкованиях акцент сделан на рациональном, интеллектуальном аспекте созерцания, а в русских – на эмоционально-духовном.

В толкованиях концепта «*deed*» большинство испытуемых подчеркнули значительность, благородность и даже героизм деяния – черту, которая отмечена только в одном ответе на русском языке. В целом в ответах на английском языке деяние оценено положительно, а в русских ответах оно охарактеризовано оценочно-нейтрально. Следует также отметить, что на ответы испытуемых повлияло второе значение слова *deed* – «юридически оформленное соглашение по поводу собственности или прав», – которого нет у русского слова деяние.

В толкованиях концепта «*communication*» прослеживается второе значение этого английского слова – «транспортная связь». Оно имеется и у русского слова сообщение (ср. Министерство путей сообщения), но в русском языке оно устарело и сохранилось лишь в составе некоторых клише; вероятно, поэтому в русских ответах оно не фигурирует.

Вышеописанные различия в толкованиях концептов подтверждают высказанную в начале этой статьи мысль о том, что в каждом этническом языке отражаются и закрепляются особенности менталитета народа.

Подводя итоги исследования, упомянем точку зрения, согласно которой эксперимент позволяет выявить не объективное значение, а субъективное содержание знакового образа, либо те или иные операции над ним (Леонтьев, 1976, с. 62-63). Соглашаясь с тем, что мы исследуем субъективные образы, укажем, тем не менее, что эти образы представляют реальное, объективное значение, хотя и в форме индивидуального знания. Форма представленности значения в эксперименте (индивидуальная семантическая компетенция) не противоречит объективности значения, так как общее (системное) значение существует в виде инварианта индивидуальных языковых компетенций, и только они могут стать предметом экспериментального исследования. Отдельные ошибочные толкования (такие, как приведенное в таблице 1 толкование созерцания как осознания) составляют исключение и не влияют на общее адекватное понимание значений в масштабе языкового коллектива.

Значительное различие в рецептивных откликах (определениях концептов) «созерцание» и «деяние» по количественным показателям 48 и 38 соответственно дает нам основание сформулировать предположение о большей «включенности» в современный лексикон концепта «созерцание», в отличие от концепта «деяние» (данный вывод согласуется с результатами исследования *М.В. Шамановой* *).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопов Г.В. Методологические основания концепта «созерцание» в современной психологии // Методологические и теоретические исследования созерцания. Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема. Материалы Всероссийской конференции / Самара: ПГСГА, 2013.
2. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М, 1997. стр.267.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. стр. 263.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Часть III // Познавательные психические процессы. Хрестоматия. – СПб., 2002. стр. 390.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М, 2004.

6. Леонтьев А.А. (отв.ред.) Семантическая структура слова. // Психолингвистические исследования. М., 1971, стр.13

7. Леонтьев А.А. Что такое язык? М, 1976.

8. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. стр. 16-21.

9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934.

10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. 2010 – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/>

11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.

12. Шаманова М.В. Национальная специфика отражения концепта «общение» в лексико-фразеологической системе русского языка // Язык и национальное сознание. Вып. 2. Воронеж, 1999. стр. 52-54.

13. George Armitage Miller, Philip Nicholas Johnson-Laird. Language and perception. Belknap Press of Harvard University Press, 1976, 760 p.

14. Grace Helen Kent; A. J. Rosanoff A STUDY OF ASSOCIATION IN INSANITY Am J Psychiatry 1910; v.67:317-390

* Данная методика может быть проиллюстрирована исследованием концепта «общение» в русском языке (Шаманова, 1999). Лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее концепт «общение», - одно из самых больших полей русского языка. Оно насчитывает 1828 лексем и 314 фразеологических единиц. Коммуникативную лексику составляя в основном языковые единицы таких частей речи, как глагол и существительное, а также (в меньшей степени) прилагательное и наречие.

Ядро поля составляют лексемы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, в прямом значении, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений и в минимальной степени зависящие от контекста: разговаривать, рассказывать / рассказать, приказать / приказывать, обещать, просить / попросить, молчать, звать, спрашивать / спросить, отвечать / ответить, отказать, заявить, благодарить, требовать, вызвать, предлагать / предложить, требование, беседа, разговор, ответ. В ядре отчетливо выделяется центр: говорить (сказать), вопрос. Частотность лексем, входящих в центр ядра, намного превышает частотность других единиц. Так, языковые едини-

цы ядра имеют частотность от 100 до 553 на один миллион словоупотреблений, а языковые единицы центра ядра – от 900 до 2909 употреблений.

Основными признаками лексем, относящихся к ближней периферии, являются меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в употреблении, минимальная зависимость от контекста: сообщить / сообщать, шутить, жаловаться, объявлять, заговорить, согласиться, разрешить, доказать, признаться, повторять / повторить, сообщение, весть, просьба, критика, объяснение, предложение, фраза, заявление, признание, молча и др.

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. Среди многозначных слов встречаются такие, в которых коммуникативное значение не является основным: *объясняться* в значении «вести беседу, разговаривать», *выступить* в значении «произнести речь, высказать мнение, высказаться (на собрании, перед публикой)» и т. д. В эту группу слов в отличие от предыдущих вошли преимущественно лексемы со стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями: *трещаться*, *болтать* и др. Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство многозначных лексем входит в лексико-семантическое поле «Общение» не в основном значении: *отступиться* в значении «перестать общаться с кем-нибудь», *переговорить* в значении «громко, много говоря, заставить замолчать других». Большинство слов имеют яркие стилистические и эмоционально-экспрессивные семы. К крайней периферии относятся устаревшие слова, поскольку они малоупотребительны или же используются не в основном значении (лексема *врасть* в значении «говорить неправду», ограниченная употреблением в разговорной речи, относится к дальней периферии, а в значении «болтать, говорить вздор» является крайне малоупотребительной и относится к крайней периферии). К данной группе слов относятся также лексемы, которые в основном значении входят в другую лексико-семантическую группу, а «коммуникативное» значение является периферийным в их смысловой структуре: *отлипнуть*, *отмахнуться*, *оттолкнуть*, *отцепиться*, *обрезать*, *лясть* и др.

Построенное лексико-фразеологическое поле объективирует самые разные когнитивные признаки концепта «общение», которые могут быть выявлены путем анализа семантики единиц, вошедших в данное поле.

THE ASSOCIATION FIELDS OF THE CONCEPTS “CONTEMPLATION”, “DEED”, “COMMUNICATION”

© 2014

G.V. Akopov, Doctor of Psychology, professor, head of Department of General and Social Psychology

I.R. Scheinin, Candidate of Philological Sciences, professor of Department of Roman Philology

V.M. Savitsky, Doctor of Philology, professor of Department of English Philology and Cross-Cultural Communication

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. The article contains the results of exploring association fields encircling the concepts of ‘contemplation’, ‘deed’, ‘communication’ and ascertained through a receptive experiment. Universal and idioethnic properties of the concepts are discovered in the contexts of the Russian and English linguocultures.

Keywords: receptive experiment; association; concept; language-based consciousness; meaning interpretation.